

Андрей Манушин

Моя Стая

ЛитРес: Самиздат
Москва

УДК 821.161.1
ББК 84(2)6
М24

Манушин А.

Моя Стая / Манушин А. — Москва: ЛитРес: Самиздат,
2021. — 38 с.

ISBN 978-5-532-94825-9

Зима — суровое испытание для тех, кто лишён дома. Городу нет дела до обречённых обитателей, но тех, кто не смог позаботиться о себе, не покидает надежда обрести тёплый очаг и друзей. Брошенные на произвол судьбы, товарищи заботятся друг о друге, вопреки самым неутешительным прогнозам продолжая бороться за свою жизнь. «Моя Стая» — это история о дружбе, безразличии и надежде, для которой трудно найти причину.

Содержание

Котовасия	29
По набережной бежала собака	35
От автора	38

Огни города стерли маленькие яркие точки на небе, которые раньше так любил разглядывать по ночам Джек. Тянуло рыбными консервами, картофельной шелухой, маргарином и еще тысячей других запахов. Он лежал, запрокинув голову, но разглядеть крошечные звезды все никак не удавалось. Наконец, что-то сверкнуло в черной бесконечности, и он приподнялся, вглядываясь в темное небо. Белые точки теперь, казалось, приближались к нему. Все больше и больше их опускалось на землю с небес. «Первый снег, – с грустью подумал Джек, разочарованно опуская голову между лап, – теперь станет совсем невыносимо». Снежинки плавно кружились и танцевали, опускаясь все ниже и ниже, и первое их касание о его тело заставило Джека сдерживать подступившую дрожь, словно подтверждая его опасения. Сзади, что-то с грохотом роняя, к нему подошел Винчестер и, уткнувшись носом в бок, свернулся калачиком рядом. Его шерсть была значительно длиннее, но за годы, проведенные здесь, сильно поистрепалась и поредела.

– Теперь наступят холода, брат.

– Зато зимой можно валяться в снегу, и вода значительно чище, – Винчестер, не меняя позы, стал зализывать раненый бок.

– Смотри, кто это там?

Снизу по улице к ним, припрыгивая, бежала Мели. Что-то блестяло у нее в зубах, а шерсть надувалась и пушилась, каждый раз, когда она подпрыгивала. Оба смотрели на нее с восхищением, не отводя глаз и не моргая.

– Как она хороша, правда?

Мели немного прихрамывала. Она улыбнулась и опустила перед друзьями переливающуюся серебром упаковку, от которой пахло настоящим мясом. Джек облизнулся.

– Где достала?

– Забрела на другой конец города. Там гораздо меньше нашего брата и можно без труда найти что-нибудь съестное.

– Это неспроста, Мели, – Винчестер отвлекся от аппетитной упаковки, – если собак там нет – люди гораздо злее. Не ходи так далеко. Еды и здесь на всех хватит.

Джек просунул морду в пачку и принялся дегустировать.

– А мясо почти как настоящее, друзья, – поделился он впечатлениями.

К помойке стали собираться другие ее обитатели. Волк и Быстрый тащили огромную кость, периодически огрызаясь друг на друга и перетягивая добычу в разные стороны. Пушок нес картонную коробку. Верзила плелся чуть позади Волка, не зная, чем он может помочь.

– Ну что, без приключений сегодня? – Волк опустил на старую тряпку, осматривая охранявших помойку «бездельников». Его ирония не показалась товарищам смешной. Джек отвернулся, снова уставившись в небо.

– Эй, подвинься, хилый, – Верзила слегка наступил лапой на Винчестера, и тот переместился подальше от навеса, укрывавшего мусорные бачки от снега и дождя. В круг стали выкладывать еду, извлекаемую из пакетов, упаковок и заначек. Грязные отходы вперемешку с почти нетронутыми кусками пищи. Сегодня все это пахло вполне сносно и Джек даже не испытывал отвращения к ужину.

Винчестер послушно брал то, что кидал ему Волк. Он был из тех, кто никогда не вступали в споры и не могли припомнить ни одной успешной драки со своим участием. Он ничего не доказывал и ни за что не боролся, всегда инстинктивно следуя за сильными мира сего. Как к нему пришло его имя, он уже не помнил, но он привык к нему и слился с ним в единое неразрывное целое.

То ли дело Джек. Он был на голову выше их всех, хотя бы потому, что его имя было *настоящим*, его так называли люди. Прежде чем их пути разминулись, Джек катался как сыр в масле, и его прошлое пользовалось негласным уважением среди местных бродяг.

Мели, колли с прекрасной шерстью, которая не боялась ни грязи, ни непогоды, тоже когда-то была хорошо устроена, но ушла из приюта еще в детстве, так и не оказавшись рядом с человеком. В их банде она была музой и душой компании. Мели была также независима, как и красива. Она умела примирять ссорящихся и воодушевлять колеблющихся.

Пушок был мальтийской болонкой, вопреки ожиданиям родителей и своей прекрасной родословной ставший бродягой. Его не

выбросили на улицу, как Джека – он сбежал сам, во всяком случае, так он говорил всем. Несмотря на свои размеры, он был смелым и настойчивым, готовым постоять за себя и друзей, хотя никогда не шел против воли стаи. Пушок часто высказывал самые радикальные предложения и был заводилой в драках, большинство из которых можно было бы избежать, будь он более рассудительным.

Главной физической силой своры был Верзила – внушительных размеров метис с жесткой кудрявой шерстью. Он не обладал высоким интеллектом или терпением, но был довольно прямолинеен и неприхотлив. Никогда не лукавил и не проявлял излишней агрессии, по крайней мере, пока был в настроении. Однако, если речь шла о защите территории или своих братьев по свалке, его внешнего вида, подкрепленного рыком из пасти с вечно стекающей по подбородку слюной, обычно бывало достаточно, чтобы драки не потребовалось. Верзила был верным товарищем Волка.

Белая шерсть со светлыми рыжими пятнами. В жилах Быстрого текла кровь восточно-сибирской лайки. Мощный костяк и выдающиеся интеллектуальные качества позволяли ему пользоваться уважением «в обществе», однако по характеру он был скорее одиночкой. Уверенность в себе и амбиции сочетались с некоторой замкнутостью и отчужденностью. Это делало его свободным, но не позволяло стать вожаком – такая должность требует энергии и постоянного проявления своих качеств, а Быстрый всем своим видом показывал, что знает цену всему на свете и предпочитает заботиться в первую очередь о себе.

Волк был главой стаи. Внешне он не особенно походил на это животное. Это был абсолютно черный пес с диким взглядом и стальным характером. Он не раз защищал свое право вожака и без промедления убил бы любого, кто посягнул на его территорию. Волк заботился о том, чтобы каждый знал свое место в иерархии и выполнял установленный перечень обязанностей. Все они держались друг за друга, каждый день сражаясь против безразличного, а порой и жестокого мира.

Свора собиралась на помойке по вечерам, ужинала, если было чем, обсуждала планы и перспективы, решала насущные проблемы.

Сегодня вопрос был один – зима, долго откладывавшая свой приход, наконец, постучалась к ним в двери. Холода наступили еще раньше, – на прошлой неделе Винчестер сообщил, что лужи перед рассветом покрылись тонкой пленкой. Тогда она еще не могла выдержать его, разбиваясь на множество осколков при касании.

Только Джек до сих пор не верил, что ему придется встречать новую зиму не в теплом доме, где его миска всегда была полна, а ласковые руки, в обмен на выполнение команд, чесали живот и давали вкусное угощение. От этих воспоминаний, овеванных теплым светом гостиничной люстры и запахом мягкой мебели, каждый раз сводило живот, но Джек не мог остановиться и продолжал мечтать, смотря на ночное небо. Летом, когда его семья выезжала на природу, а его оставляли на цепи во дворе, он полночи разглядывал звезды, гадая, что это за диковинные блестящие искорки. Зачем они там? Есть ли и на них такие же Джеки, как он?

Ужинали молча. Даже Волк не хотел говорить о том, что теперь будет. Прошлой ночью он забрался на сопку и два часа сидел на холодном валуне, разглядывая залив. Наверху было несколько деревянных частных построек с оградой и своими домашними сторожами. Посаженным в конуру псам стая не завидовала, – они другой жизни не видели, и отсутствие выбора было хуже, нежели плохой выбор. Нестройные переулки гаражей тянулись вниз к побережью. Там был порт. Его друг рассказывал, что моряки относятся к бродягам с пониманием, дают кров и пищу, позволяют охранять корабли. За несколько лет Волк так и не решился наведаться в те края. То ли он боялся качки, то ли не хотел покидать помойку, за которую они с товарищами заплатили кровью.

Два высоких жилых дома находились на другой стороне улицы, у подножья сопки, а здесь были лишь заброшенная стройка и автошкола с детским садом. Обитатели свалки не могли знать о предназначении этих зданий, но видели, что люди не остаются в них на ночь, а, погасив свет, спешат укрыться в каменных мешках напротив. Ледяной ветер свободно гулял по помойке, и зимой это было самое страшное. Когда начиналась метель, пережить ее здесь было невыносимо. Можно было бы укрыться во дворах, но появление там стаи

неизменно пугало жителей, и те спешно начинали обсуждать меры «решения проблемы». Иногда это заканчивалось крайне печально, и друзья, потеряв кого-нибудь из товарищей, несколько дней скитались порознь по сопкам или грелись в гаражах, ожидая, когда на их территории вновь будет безопасно.

Джек предложил выйти к людям и поговорить с ними, но его никто не поддержал. Двунogie были более опасны, чем своры из соседних районов, забредавшие сюда в поисках пропитания. Убогие детские площадки, поставленные под большим углом прямо на сопку, охраняются этими созданиями как святая святых.

— Они никогда не поймут нас, — сказал Винчестер. — Люди думают иначе. Они исходят не из реальной необходимости, а из своих желаний, прихотей. И ты за много лет стал думать также.

Молчали. Одна мысль, предательски запав в голову, терзала каждого, но из страха перед Волком боялись ее озвучить. Только Быстрый, оторвавшись от еды, произнес:

— Нужно начать поиски в других районах. Может, найдем лучшее укрытие, — и продолжил вылизывать банку сметаны, зажатую между мощными лапами.

Все замерли. Никто не хотел покидать помойку, бывшую ценнейшим источником еды. Они хорошо помнили, как завоевали ее у других банд города. Если оставить ее хотя бы на неделю, возвращать обратно придется силой. Но теплый подвал с приходом холодов становился более насущной целью.

— Укроемся пока там, — указал Волк на заброшенную стройку.

— Сквозняки в этих развалинах гуляют так, что проще замерзнуть на улице, — ответил Быстрый.

— Ну, так и замерзай, — огрызнулся вожак. Верзила следил за его движениями, готовый исполнить любое его поручение. Волк оставил большую кость, ухватился за угол выброшенного дивана и в несколько мощных рывков перевернул его домиком. — Вот наш дом. Защищен от ветра, — он оскалится и вновь принялся обглаживать кость, положив конец разговорам.

Это был последний настоящий ужин. Дела зимой пошли совсем плохо. К Рождеству все сопки покрыло толстым слоем снега, в который собаки проваливались по брюхо, а рядом со свалкой намело огромные сугробы. Пушок в них тонул с головой, поэтому старался не отставать от товарищей – он мог идти только по проторенной дорожке, а его шерсть полностью сливалась с бескрайними пустошами, превращая болонку в скачущий по зимнему покрывалу снежный комочек.

Найти что-либо в этих условиях становилось практически невозможным. Друзья забивались под запорошенный белыми хлопьями диван и тесно прижимались друг к другу. Те, кто одну ночь спали по краям, на следующую грелись в середине. Только Волк не ложился со всеми. Он нарочно вытапывал себе углубление в снегу и устраивался там. Под утро его совсем засыпало, и Верзила откапывал его из сугроба, чтобы отправиться на поиски завтрака.

– Мама, мама, – зазвенел веселый детский голос у подъезда. Всю ночь была пурга, и стоя, спасаясь от ветра, разбрелась кто куда. Места в мусорных баках хватило не всем, и Винчестер спрятался в проеме подвального окна, греясь на выходящих потоках горячего воздуха. Уснуть ему удалось только под утро, когда метель уже стихла. Возгласы ребенка заставили его вздрогнуть и посмотреть в их сторону.

Мальчишка указывал на пса, дергая женщину за меховую оборку рукава пальто. Та неуклюже пыталась застегнуть сумку, держа на руках сонную маленькую девочку.

– Мама, давай возьмем его!

– Обязательно, вернешься из садика, и возьмем, – мама пропустила слова сына мимо ушей, даже не взглянув на собаку.

Стоя собиралась со всего района, понуро волоча опущенные хвосты. Утро становилось еще более отвратительным с первыми лучами солнца. Неприятная картина, оставленная бушевавшей всю ночь непогодой, вызывала желание поглубже зарыть голову между лап, и лишь сверлящий бока голод побуждал выбираться из более-менее теплых местечек. Стоя встретила у помойки, вяло приветствуя друг друга. Волк обнюхал каждого и дежурно повел за

собой вдоль серых заборов, обшарпанных гаражей, полуразрушенных зданий окраины. К обеду они обошли места, с которых кормились, заглянув даже к паре добрых людей, всегда деливших с ними остатками со своего стола или мясными огрызками с завтрака. Иногда удавалось получить от помощника повара в небольшом кафе первичный бульон. В такие минуты товарищи были не просто счастливы, но воодушевлены, их посещало почти осязаемое вдохновение. Как бы холодно ни было на улице, они радостно виляли хвостами, подтанцовывая у дочиста вылизанных мисок и прося добавки. Заботы о пропитании и убежище отходили на второй план, любые проблемы казались решаемыми, а вера в людей на мгновение вновь разжигалась в их когда-то отвергнутых сердцах. Но сегодня в их мисках оказались плохо сваренные шкурки картофеля, моркови и кабачков, готовящихся для овощного рагу, от которых есть захотелось еще сильнее. Собаки были благодарны любой возможности набить прилипший к спине живот, но настроение от такой пищи не поднималось.

Побродив еще немного, вернулись к помойке. На сопках уже появлялись пары фуражиров-разведчиков из других свор, в поисках пищи стягивающихся к их логову. Если зимняя стужа затянется, они рано или поздно попытаются объединиться, чтобы собственноручно убедиться в том, что в горах мусора нечем поживиться. Один из них уже спустился и подкрался к дороге, отделяющей бесценное хранилище ресурсов от всего остального недружелюбного мира, но завидев хозяев, затрусил назад, озираясь по сторонам.

За день люди избавились в пользу своих меньших братьев от нескольких куриных костей и протухшего говяжьего языка. Отлично, сегодня стая уснет, не мучаясь от голода. Винчестер взял свою долю и направился через дорогу к месту вчерашнего ночлега, когда услышал знакомый крик:

– Мама! Вот он, мой песик! – малыш бежал к нему, широко расставив руки. Стая с удивлением оторвалась от ужина и посмотрела в их сторону.

– Куда, там же дорога! – крикнула ему вслед женщина, ставя на землю дочурку, с широко раскрытыми глазами наблюдавшую за этой